Из года в год
Всё по-старинке…

Ідзе сярэдзіна зімы
Калючы вецер толькі выe
Зямля – як камень, і вадзе
Няма ніяк для руху сілы.
Вось выпаў снег, ён пабяліў
Усё навокал, ён забыў,
Што кожны год тут госцем быў...

Зразумела, што работа займае шмат часу, таму пераклад можна прапанаваць зрабіць дома. Безумоўна, дзеці звернуць увагу на тое, што пры перакладзе яны могуць змяняць парадак слоў, прыўносячы тым самым новыя адценні ў тэкст перакладу.

Такім чынам, тэма «Парадак слоў у сказе» мае вельмі важнае значэнне. Яна спрыяе больш уважлівай і ўдумлівай працы з тэкстам, папярэджвае некаторыя памылкі, звязаныя з парушэнне парадку слоў. Акрамя таго, садзейнічаае развіццю этнакультурнай кампетэнцыі, паказвае багацце роднай мовы, яе адметнасці ў параўнанні з іншымі.

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ПЬЕСЕ А.КУРЕЙЧИКА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»

Е. Ларионова

В современной русскоязычной литературе Беларуси особое место принадлежит А. Курейчику – талантливому молодому драматургу, автору более тридцати пьес. «Понтий Пилат», «Пьемонтский зверь», «Потерянный рай», «Иллюзион» были поставлены на сцене НАДТ им. Я. Купалы, Московского художественного академического театра им. Чехова, Национального академического театра им. Я. Коласа, Театра белорусской драматургии и др. Его пьесы, необычные, смелые, вызывают порой противоречивые оценки критиков. Неоднозначно была воспринята и драма «Потерянный рай», в основе которой лежит библейский сюжет о Каине и Авеле. Трактовка легенды у А. Курейчика нетрадиционна. И прежде всего ее оригинальность заключается в интерпретации персонажей пьесы. Обратимся к системе персонажей и посмотрим их трактовку и реляцию: «пьеса – библейский миф».

В пьесе А. Курейчика, в отличие от библейской трактовки, Каин представлен благородным, мужественным, умным и вместе с тем физически

слабым человеком. В Библии Каин – первородный сын Адама и Евы, который «несмотря на предупреждение Бога поддался греху, когда Бог принял жертву Авеля и отверг жертву Каина: он убил Авеля. В наказание за это Каин был лишен плодов земли и обречен на непрерывные скитания»[2, с.195].

Отметим, что образ Каина, первого убийцы традиционной библейской легенды, имеет отрицательную характеристику и в других преданиях.

«Отрицательный, демонический характер Каина связан с известным у многих народов отрицательным отношением к кузнецам и кузнечному делу. Всякое ремесло и искусство связывались с магией. Отсюда, вероятно, Каин – кузнец и земледелец». «В мифе о Каине отражены древнейшие конфликты между кочевыми пастушескими и земледельческими племенами». Очень интересна аггадическая трактовка мифа, согласно которой Авель, будучи намного сильнее Каина, «победил брата в борьбе, однако, растроганный просьбой брата о милостыне, отпустил его, а затем тот убил Авеля»[3, с.269].

Как мы убедились, во всех этих преданиях Каин – отрицательный персонаж. А. Курейчик же создает положительный образ Каина, используя различные версии этих легенд. Во-первых, Каин в пьесе кузнец, музыкант. Во-вторых, он слабее Авеля, и в борьбе Авель побеждает Каина.

В пьесе его образ дан в динамике. Вначале Каин – кроткий и нежный. Ева характеризует его таким словами, как «ангел», «моя отрада», «мой мальчик», «сынок». Для Авеля же Каин – «болтун и бездельник», «умеет подлизаться, сказать нужные слова». Эта характеристика скорее говорит о том, что Каин – любящий сын. Он умеет успокоить, сказать доброе слово, выразить свою любовь. Авель наделяет Каина такими эпитетами, как «худой», «хилый», сравнивает его с ящерицей. И вместе с тем говорит: «Находчив же ты», т.е. уже Авель замечает несоответствие внешности внутреннему содержанию Каина.

При этом Ева называет Каина упрямым. Он не может смириться с тем, что Бог хочет лишить их рая, а фактически, лишить их смысла жизни. В нем зреет бунт и проявляется тогда, когда Господь не принимает его жертву. После убийства сам Каин считает себя богоравным. «Отныне каждый человек имеет выбор между добром и злом. Может выбрать: убивать или молиться, верить или не верить и что считать добром и злом…»

Совершив убийство, Каин не просто хочет показать непокорность человека, а скорее хочет доказать, что человеку нужен рай: «Только надежда, что когда-нибудь люди попадут в рай, в вечное счастье, будет сдерживать их от зла...»

Каин А. Курейчика по своей интерпретации ближе Каину, созданному Байроном. Это первый мыслитель, бунтарь, выступающий против спо-

койствия, инертности, смирения, воплощенных в образе Авеля. Каин выступает и борется за добро, но совершает зло.

Однако Каин Курейчика и Каин Байрона все же различны. Каин, созданный Курейчиком, любит Бога. Для Байроновского Каина же Иегова символизирует мировое зло.

Каин Курейчика протестует против покорности, рабства и даже скорее против того, что Бог лишает его семью рая. Байроновский герой, как отмечает А.Елистратова, «одинок, и бунтарство не имеет перед собой ясных перспектив и целей»[1, с.17]. Это скорее бунт ради бунта.

Байроновский Каин не понимает зачем он трудится, в то время как Каин у Курейчика наслаждается трудом, любит его и не мыслит своего существования без него. Каин видит счастье в труде.

Для Каина у английского драматурга рай – это… «лишь сон». Он обвиняет родителей в потере рая, упрекает их. Каин белорусского драматурга, напротив, не теряет веру в рай. Это и становится причиной его бунта. Он не упрекает родителей, наоборот, старается им помочь.

Подытоживая выше сказанное, хочется отметить, что Каин – довольно сложный и интересный образ в мировой культуре и литературе – приобретает в пьесе А. Курейчика совершенно новые черты. Автор представляет нам живого человека со своими гуманными убеждениями, борющегося за те идеи, на которых основана вся жизнь человечества. Он отстаивает идею, что только на вере в лучшую жизнь, вечное счастье и надежде обрести потерянный рай основана человеческая жизнь, а без надежды в мире не будет добра, только зло.

ОБРАЗ АВЕЛЯ

Своего рода антагонистом Каину в пьесе представлен образ Авеля. В Библии Авель – «первый мученик, первый гонимый праведник, с него начинается ряд невинно убитых»[2, с.3].

В пьесе же Авель предстает покорным, смиренным, прагматичным человеком. Авель, в отличии от Каина, на протяжении пьесы меняется только внешне, становится менее вспыльчивым, спокойным. Однако его идеи и убеждения остаются неизменны.

Ева характеризует его, как «несдержанного», «буйного», «жестокого», «дерзкого». Это подтверждает и сам Авель, утверждая, что может «разорвать пасть льву». Все это доказывает, что у него дикая, необузданная сила, и Авель прекрасно осознает в себе эту силу: «Да, я сильный. Странно. Как будто я не ваш сын…» Этим словам противопоставлены слова Адама, обращенные к Каину: «Ты – мой сын». Значит, именно Каин – продолжатель идей Адама, а Авель становится лишним и его смерть закономерна. Авелю не нужен рай. Он хочет жить там, где ему удобно.

Авель говорит о себе: «Я человек прямодушный. Бога люблю. Справедливость люблю. Охотиться люблю». То есть он соединяет в один однородный ряд понятия: «Бог», «справедливость» и «охота», что дает основания высказать некоторые сомнения по поводу истинности и степени любви Авеля к Господу.

По отношению к этому персонажу чувствуется авторская насмешка и ирония. Не духовная, а материальная пища для него является главенствующей. Мотив еды сопровождает его на протяжении всей пьесы: «Лучшие куски должны принадлежать лучшим», «Ешь, ешь. Надо есть мясо».

В сцене после жертвоприношения с истинной силой раскрывается смирение Авеля, рабская покорность. Авель искренне не понимает и не принимает бунт Каина, не понимает, почему Бог не принимает жертву Каина. Не понимает он и мотивов поступка Каина, объясняя их завистью.

В мистерии Байрона в образе Авеля воплощаются такие черты, как трусость, рабское смирение, примирение со своей участью. Как замечает Елистратова: «В основе Авелева благочестия лежит не любовь к божеству, а трусость, страх, лицемерие»[1, с.16]. Авель Курейчика похож на Байроновского Авеля примирением со всем происходящим. Его все устраивает. Он всему рад.Таким образом, Авель – нескладный, грубоватый, вызывающий порой усмешку из-за своей неповоротливости человек. Он предстает в пьесе покорным, прагматичным человеком, который довольствуется только тем, что у него есть, не стремится к высшим духовным ценностям. Ему не нужен рай. Для Авеля он безвозвратно утрачен.

ОБРАЗЫ АДАМА И ЕВЫ

Очень интересны в драме фигуры Адама и Евы. Они представляют перед нами обычными людьми с их слабостями, беспокойствами, хлопотами. С образами Адама и Евы связаны темы быстротечности времени, приходящей старости.

Ева – заботливая, нежная – страшится скорее не старости, а невозвратности времени. Она боится, что они так и не смогут вернуть рай. Адам говорит о себе: «старый, немощный, пустой человек…» Он упрекает Господа, однако дух бунтарства в нем не сломлен, надежда обрести рай жива.

С образами Адама и Евы связана проблема прощения. Адам не может простить Еве потерю рая. И она вынуждена это осознать, но она любит Адама и чувствует, что он ее любит, поэтому смиряется.

Адам осознает, что он уже не сможет найти рай. Поэтому единственной надеждой, смыслом его жизни становится Каин, поэтому именно ему передает пергамент с картой как символом надежды, веры в лучшую жизнь.

Символичен и сон-предзнаменование Евы, который она видит трижды. Во сне Ева видит борьбу льва и крокодила. Лев «символизирует непрерывную борьбу, солнечный свет, утро и победу»[5, 287]. В библейской традиции образ льва амбивалентен. С одной стороны, лев изображает самого дьявола и его служителей, безбожных тиранов. С другой стороны, «лев является образом «гремящего» Господа Саванды» [2, с.228]. Исходя из этого, лев является метафорой Каина. Крокодил же символизирует, во-первых, ярость и зло, во-вторых, это «эмблема плодовитости и силы», т.е. это метафора Авеля, который в одной из своих реплик говорит: «Я могу разодрать пасть льву». В результате борьбы проливается кровь – символ жертвоприношения. С одной стороны, это жертвоприношение Авеля – кровь ягненка. С другой стороны, это кровь убитого Авеля, т.е. кровь – это символ убийства. Ребенок, которого видит Ева, – олицетворение будущих поколений. За образами-символами сокрыта идея о том, что после убийства Каином Авеля зло и горе поселились в каждом человеке – потомке Адама и Евы. Однако Бог дает людям надежду. Но счастье так и остается недосягаемо, как потерянный рай. Вопрос Евы: «Счастлив, Адам?» он оставляет без ответа.

Образы Адама и Евы отчасти близки мильтоновским. В образе Адама из «Потерянного рая» Мильтона наглядно воплощено понимание человека как «сознательного, активного, и в то же время раздираемого сложной внутренней борьбой, в которой решается судьба человечества»[4, 259]. Так и в образе Адама белорусского драматурга идет постоянная внутренняя борьба. Однако если у Мильтона Адам – царственный, мужественный, обаятельный, гармоничный образ, воплощение мужества, доблести, мудрости, то у Курейчика он усталый, порой грубый, несдержанный человек. Поэтому эта борьба воплощена в образе его сына, Каина. Теперь уже от выбора Каина зависит жизнь всего человечества.

Образ Евы у английского драматурга прекрасен, практически идеален. У Курейчика опять же Ева уже немолода и не так привлекательна. Но, как и у Мильтона, она заботлива, мягка, добра. Ее образ представляет собой движущейся, живой облик первой женщины. И Адам, и Ева представлены реальными людьми с их слабостями и недостатками. Не зря драматург переносит финал в современность.

Пьеса имеет кольцевую композицию, что также помогает раскрыть идею о том, что человечеству, которое в своей сущности не изменилось за тысячи лет, нужна надежда. Своим вариантом финала автор обозначает связь с реальностью. Как в поэме Мильтона отразились события современной ему эпохи, так и в пьесе Курейчика отражена действительность. Сегодня, когда в мире царит бездуховность, люди превращаются в

«авелей», то есть равнодушных, прагматичных, скупых на чувства людей, тех, кого все устраивает, которые пассивно и покорно принимают действительность такой, каковой она является.

Связь с поэмой Мильтона можно обнаружить и в сопоставлении образа Бога. Так, с начала до конца Бог Мильтона остается «образом», неопределенным очертанием. Так и Курейчик отмечает, что «он (Господь) явится в пьесе только в виде своих теофаний (богоявлений), в виде метафор присутствия Бога, зримых знаков того, что принципиально незримо…ибо представления о Боге – представления глубоко личные и глубоко символические». Бог Мильтона и Бог Курейчика – владыка вселенной, воплощение разумного творческого начала. Однако в нем проявляются и черты деспота, ведущего беспощадную борьбу с теми, кто не подчинился ему. У Мильтона Бог представлен как Бог-воитель, несущийся по телам своих врагов. У Курейчика же этой черты Бога нет.

Как и «Потерянный рай» Мильтона, пьеса А.Курейчика представляет философскую притчу-параболу. Финал пьесы открыт, что дает право самим додумать то, что будет дальше.

Как видим, поэма Мильтона и пьеса Курейчика имеют ряд общих черт – в жанровом своеобразии, проблематике, системе образов. Однако, у Мильтона образы Адама и Евы идеализированы, а у Курейчика они болеет реалистичны.

Итак, рассмотрев пьесу А. Курейчика «Потерянный рай», мы видим, что она представляет собой интересную, необычную интерпретацию библейского мифа о Каине и Авеле. Кроме того, автор раскрывает в ней проблемы свободы воли, свободы выбора личности, невозможности достижения абсолютного счастья и необходимости стремиться к этому счастью, также проблемы невозвратности времени, приходящей старости, проблему прощения. Идейное содержание раскрывается с помощью таких средств, как парцелляция, умолчание, восклицания, повторы, что говорит о большом эмоциональном напряжении чувств героев. Большую роль в раскрытии образов играют самохарактеристики персонажей, ремарки автора. Следует отметить, что проблемы, поднятые в произведении, в высшей степени актуальны сегодня.

Литература

1. Байрон: избранные произведения / вступ. ст. А. Елистратова. – М.: Государственное издательство худ. литературы,1953.
2. Библейский словарь / под ред. И. С. Свенсона. – С-Пт.: «Библия для всех»,1996.
3. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. – М.:Советская энциклопедия, 1991.
4. *Самарин Р.М.* Творчество Джона Мильтона. – М.: Издательство московского

университета,1964.
5. Словарь символов / Керлот Хуан Эдуардо. – М.: «RELF-book», 1994.-608с.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ В РОМАНЕ Г. КАЗАКА «ГОРОД ЗА РЕКОЙ»

А. И. Полукошко

Изучение пространственно-временных категорий со времён античности занимало значительное место в физико-математических и философских науках. На современном этапе проблема времени и пространства является одной из центральных и в таких областях науки, как география, геология, химия, биология, история, социология, культурология. Пристальное внимание пространственно-временным отношениям уделяет сегодня и литературоведение. В данном случае, разумеется, речь идёт о художественном времени и пространстве, которые обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют композицию произведения. Художественное время и пространство являются самостоятельными категориями, но одновременно представляют собой сложную систему, получившую определение «хронотоп». Под этим термином русский учёный и философ М. М. Бахтин понимает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, 9].

Всякий талантливый художественный текст обладает особым хронотопом, то есть имеет свои временные и пространственные параметры. Оригинальной системой художественного времяпространства располагает и роман немецкого писателя Германа Казака «Город за рекой» («Die Stadt hinter dem Strom», 1947). Уже в самом названии произведения задействованы пространственно-временные координаты. Если пространственные координаты очевидны, то временные заложены в смысловых потенциалах заглавных образов.

Внешнее действие романа разворачивается в некоем городе за рекой. Читателю, более или менее знакомому с мифологией, это может сказать о многом. Река и её преодоление с давних времён означают переход из одного мира в другой или из одного состояния в другое. Достаточно вспомнить греческое подземное царство Аида и реку забвения Лету. Но, в отличие от мифа, «город за рекой» у Г. Казака – это промежуточное царство, переходная стадия между жизнью и смертью, когда человек как бы ещё не полностью умер, то есть не исчез из памяти живых, и когда индивидуальное сознание ещё не полностью перешло в анонимное.

Город и река в романе безымянны. Они носят обобщённый, универсальный характер, из чего можно сделать вывод о том, что в произведении мы имеем дело с мифологическим пространством, а следовательно,